

Я РОДИЛАСЬ В СИБИРИ!

М.А. Замула

Я, Бич Рита Александровна, по мужу Замула, родилась в посёлке Болтурино Кежемского района Красноярского края в 1953 году. Я, как все мои земляки, всегда гордо заявляю, когда речь заходит о месте, где я родилась: «Я родилась в Сибири!».

Эту фразу гораздо позже облекут в музыку и будут петь миллионы соотечественников, но каждый, рождённый в Сибири, воспринимает эти гордые слова в личный адрес. Как это звучит гордо, без хвастовства и даже с ноткой фанатизма, и романтика этих слов не исчезнет для меня, пока я живу.

Сейчас я проживаю в Молдове, вот уже скоро полвека, большую часть моей жизни, но я гордо говорю: «Я родилась в Сибири!», – и надо видеть реакцию моих собеседников на эти слова здесь, на юге!

Семнадцать лет я жила на берегу Ангары, и перед моими глазами – трёхкилометровая ширь реки, позади – плотное зелёное кольцо тайги и – наш родной Дом! Нет, по порядку: сначала был дом моего дяди – Флейшмана Мартына Христиановича, потом, через улочку, наш дом.

И мои первые воспоминания всегда кружат около этих двух домов, гордо стоявших на крутом берегу маленького пятачка, с которого мы, дети, с нашей бабушкой – Бич Шарлоттой Густавной – ждали родителей с рыбалки. Лодку было видно издали, зачастую краями черпавшую воду, – такая она была полная улова. Никто без рыбы не возвращался никогда! Мы летели вниз, с крутого обрыва на берег, навстречу приближающейся моторке, звук которой узнавали, едва слышав, да и все, кто жил в Болтурино, подтвердят, что абсолютно каждый ребёнок знал звук своей – папиной – моторки.

Ангара – это была жизнь, которая щедро кормила и поила нас, ведь мы пили воду из реки. Это когда маме хотелось что-то особенное, мы брали воду из колодца, недалеко от стадиона. Я могу бесконечно рассказывать об Ангаре, и никогда не иссякнет поток слов восхваления реки моего детства, места моего рождения, сурового края, далёких мест, щедротой немеряных! Сколько романтики и светлой щемящей боли в душе от моих воспоминаний, всему я училась там. В жизни моей эти познания до сих пор служат мне ориентиром моим поступкам.

Я росла в большой семье. У моих родителей было шесть детей, я – третий ребёнок, долгожданная для папы доченька: «Крещенские морозы, на окнах – вязь, у мамы – третьи роды, я родилась!»...

Росла я спокойной девочкой, а моя подруга, Лиля Флейшман, была более бойкой, всегда летела впереди, спешила куда-нибудь, меня тащила, всегда ей надо было куда-то бежать. Ой, помню, у них в сенях всегда стояло много обуви, разувались там, и её обуви было хоть отбавляй: все стоптанные (не от косолапости, а от её нетерпения) туфли, тапки, ботинки стаптывались моментально..

Лиля была мне двоюродной сестрой, из дома напротив, дочка дяди Мартына и тётки Маруси Флейшман, тоже третья в их семье. Мы появились на свет с разницей в три месяца, она – первая. Так она и бежит по жизни впереди меня. Она из дома в мир выскочила первая, мы же с пелёнок вместе играли, как однойцевые, неразлучно. Она первая быстро познакомилась с Таней Пиксайкиной, в магазине, наверное, не помню, а я очень боялась отойти от наших ворот в эту неизвестность, которая меня так пугала и измерялась какими-то пятьюстами – семьюстами метрами. Но это потом, а тогда я плакала и смотрела боевой подруге вслед, которая не смогла меня уговорить бежать вместе.

Я плакала так горько, помню это так ярко, с ощущением покинутой, ненужной и преданной, ох, и обиделась я тогда! Вот как она вернулась, уже не помню (она всегда возвращалась ко мне), и я потом уже так болезненно не реагировала на её отлучки. Но этот первый случай – всегда во мне, поэтому я не выношу, когда меня бросают, даже не так: я предчувствую опасность задолго до её появления и всячески её пресекаю, обхожу острые углы, во всяком случае, стараюсь. Вот такой урок жизни – сберечь то, что имеешь!

Вспоминаю похороны дяди Яши Флейшмана, он был и Лилин дядя. Дядю Яшу на валке ударило спиленным деревом по плечу и по спине. Он лечился, и отправили его в санаторий, а обратной дорогой домой, с Кежмы во Дворец, он умер в самолёте Ан-2. Помню дикий плач бабы Лили, мамы его, сестры моей бабули. Мы прибежали в дом дяди Яши до того, как его привезли и занесли в их новый дом, положили на чистый, крашенный коричневой краской пол, и он лежал такой большой и красивый, в тужурке, голова с завитушками кучерей.

Баба Лиля кинулась на колени, схватила его руку, а та падает на пол со стуком... никогда не забуду А рядом Жанна, его жена-красавица, с сыном Витькой на руках, с белыми колечками волос на голове... Похороны помню, вообще весь этот ужас помню. Я тогда в школу ещё не ходила, стояли жуткие морозы, весь посёлок ушёл на похороны, безостановочно гудел гудок. Это так перевернуло мою душу, что долгие годы я до ужаса боялась покойников. Папа всегда говорил: «Бойся, Риточка, живых...». А я мимо нашего кладбища, от хутора по тропинке над обрывом, ходить не могла долгие годы. Неокрепшую детскую психику надо так беречь...

Вспоминается из детства случай. Соседи наши – тётя Наташа Ильина и её муж, дядя Елиферий – коптили рыбу. Они были знатными рыбаками, и рыбы у них всегда было не меряно. Как-то коптила тётя Наташа окуней, а окуни у нас на Ангаре – ого какие большие. И надо было ей куда-то отлучиться срочно. Она и попросила мою маму поставить меня к коптилке следить за огнём, пока хозяев не будет. Ну я и дежурила: опилки подбрасывала, огонь большой водой гасила, копчёный воздух вынюхивала до одури – кто не знает этого вкусного, манящего запаха! Потом пришла хозяйка с тазом и, подкладывая в него копчёного окуня горой, мне сказала, чтоб я шла домой... Я шла домой, эти двадцать метров улицей, что разделяли наши дома, захлёбываясь от слёз, так как рыбу мне не дали даже попробовать.. Вот так я чётко уяснила, что труд должен оплачиваться по заслугам, видимо, тогда я не заслужила.

Вспоминается наш лес, ягоды, покосы, но вот река – чаще всего. Наши мамы бельё стирали, а нас полоскать его на реку отправляли. Здорово-то было как, особенно летом: по пояс в воде, наволочкой шлёп – она шаром надувается, зажмёшь её в руках, ляжешь пузом на неё и плывёшь, пока с угора рассерженный мамин голос не вернёт тебя назад, к тазу с бельём.

Жизнь преподнесла в детстве немаловажные уроки. Когда собирались ребятишки, начинались рассказы, особенно тех, кто постарше. Хвастались тем, что кто-то что-то там нашёл, ну а я ничего не находила никогда, и так мне остро захотелось найти чего-нибудь! На вешалке дома висел мамин дождевик, я тихонько в карман шасть, а там мелочь, копеечки, я их – в кулачок и на улицу бежать. Высыпала копеечки под забор дяди Толи Брюханова, походила-походила, не понравилось мне, как они там лежат, собрала и опять место ищу, где б эти копеечки найти мне потом удобнее. Наконец, нашла, воткнула их ребром, вдавила в землю рядом с нашей калиткой, села на качельки, а сама поглядываю, как, кто пойдёт.. Увидела маму, и с криком: «Мама, я нашла!» – на ладошке копеечки протягиваю в ожидании похвалы, и вдруг слышу: «А ты где это взяла? Ай, ай.. не стыдно?» Так в один миг небо на меня от стыда упало. Вот это было да-а-а! Я ещё была дошкольница, а на всю жизнь чужого не бери!

Хотя у того же дяди Толи Брюханова через несколько лет мы «хорька гоняли» в его огороде: в сумерках огурцов быстренько набрали, перелезли через забор и в кустики, разложили и – было полное разочарование. У нас в огороде в сто раз огурцы были вкуснее, лучше и зеленее, а эти – жёлтые и твёрдые, зато урок – не всё у соседа лучше.

Вспоминаю радость, какую я испытала от первой моей ёлки. В морозных клубах папа занёс в дом огромную ёлку, под потолок. Заняла с полкомнаты, морозец от неё и запах – не забыть! Всей семьёй вечером сидели за столом и делили на девять равных частей конфеты-подушечки и печенье в спитые мамой бумажные пакеты, потом в корзине под белой простыней нас ждали подарки – сами готовили! – но от этого не становилось меньше ожидание чуда – подарка и праздника. А наряжали как ёлку! Вечерами, все вместе: кто резал бумагу, кто клеил кружочки, кто собирал гирлянды, горы которых лежали на полу, фонарики раскрашивали цветными карандашами, – так учились создавать себе настроение, праздник, радость.

Январь 2016 г.